

Александр Керенский. Гатчина

Сталинистская историография привела ко многим деформациям в освещении прошлого, в том числе и истории революции 1917 г. Пожалуй, наиболее очевидными их "жертвами" стали многие политические деятели, находившиеся "по другую сторону баррикад": некоторые оказались попросту окарикатуренными. Это относится и к Александру Федоровичу Керенскому, с июля 1917 г. ставшему главой Временного правительства, а с начала сентября и верховным главнокомандующим русской армии. Сегодня, в сумятице мнений, в столкновении различных точек зрения, нам нелегко пробиться к исторической истине. Вероятно, наиболее правильный путь к ней -- предоставление читателю права судить самому, дав ему возможность ознакомления с первоисточниками: документами, мемуарами и т. д.

Публикуемые здесь воспоминания Керенского посвящены лишь финалу его политической деятельности в России. В связи с этим есть необходимость хотя бы вкратце сказать о всем пути Керенского к такому финалу, о причинах политического банкротства и его самого, и того режима, который получил в народе название "керенщина".

В расхожем представлении Керенский -- "хвастунишка", "Хлестаков", "бонапартик" -- словом, некое политическое ничтожество. Однако такого рода характеристики не могут пролить свет на вопросы, которые должны возникнуть у всякого пытливого ума: каким же образом такой человек оказался на вершине власти, да еще в столь судьбоносное для России время, каким был год 1917-й? И что же, в конечном счете, определило крах "керенщины"?

Популярный адвокат и политический деятель, еще в дофевральский период тесно связанный как с либерально-буржуазными, так в основном и с правосоциалистическими кругами, Керенский в момент крушения монархии стал связующей фигурой единения антицаристских сил. Сказались, конечно, и "бурнопламенный" темперамент Керенского, а также его большой ораторский дар -- качества, столь необходимые в революционную эпоху. На какой-то период Керенский стал как бы символом свободной России, ее демократизации.

Свергнув царизм, февральская революция обнажила, вывела на поверхность глубокие противоречия, уже давно раскалывавшие, разъедавшие российское общество. Политические свободы оказались достаточным завоеванием для более или менее привилегированных слоев. Но "низы", на плечах которых к тому же всей своей тяжестью продолжала лежать война, требовали "углубления" революции, социальных перемен. В условиях нараставшей общественной поляризации политика Керенского -- политика лавирования, балансирования между крайними флангами -- вызвала растущее недовольство и там и там. "Керенщина" как политическая система сыграла свою роль. Революция входила в новый этап, время и события требовали новых лидеров.

Правый, контрреволюционный лагерь делал ставку на генерала Корнилова, прочил его в диктаторы. Левые силы, массы большевизировались, шли за большевиками, Лениным.

Так, постепенно из политического "любимца" Керенский превращался в предмет презрения и ненависти всех: и левых, и правых. Почва из-под ног возглавляемого им Временного правительства уходила. Практически его никто не хотел защищать, и под ударом большевистского восстания оно, по выражению современника, рухнуло, не успев даже крикнуть "уф!".

Так судьба привела Керенского в Гатчину, из которой он тоже вынужден был бежать переодетый в матросскую форму. Об этом он и рассказывает в публикуемых далее воспоминаниях. Рассказывает в основном правдиво, но с характерным для большинства мемуаристов стремлением к самооправданию, самореабилитации. На это читатель должен делать поправку.

Что же было с Керенским дальше? До лета 1918 г. он скрывался под Новгородом, в Финляндии, в Петрограде и Москве. Затем нелегально уехал в Европу, продолжал там борьбу с Советской властью, но выступал и против белогвардейских правительств. Издавал газету "День", писал мемуары. В 1940 г., когда Германия разгромила Францию, бежал в Англию, перебрался в США и

писал, писал о своем "звездном часе"--17-м годе, о своей вере в демократию, погубленной, по его мнению, как реакционерами, так и большевиками.

Умер Керенский в 1970 г., похоронен в Лондоне.

Г. Иоффе, доктор исторических наук.

Последний акт борьбы Революционного Временного Правительства с большевиками слева и справа продолжался с 24-го октября по 1-е ноября 1917 года. Да, я в особенности настаиваю на том, что мы боролись сразу на два фронта. И никто никогда не будет в состоянии опровергнуть ту несомненную связь, которая существовала между большевистским восстанием и усилиями реакции свергнуть Временное Правительство и повернуть государственный корабль вспять к берегу социальной реакции.

После безуспешной для заговорщиков и столь несчастной для государства попытки свергнуть Временное Правительство вооруженной рукой ген. Корнилова, общественные группы, поддерживавшие "диктатора" и связанные с ним, постановили: не оказывать правительству в случае столкновения его с большевиками никакой помощи. Их стратегический план состоял в том, чтобы сначала не препятствовать успехам вооруженного восстания большевиков, а затем после падения ненавистного Временного Правительства быстро подавить большевистский "бунт". Таким образом, должны были быть достигнуты, наконец, цели, поставленные Корниловскому восстанию.

Военные и штатские стратеги, авторы этого замечательного плана, были твердо убеждены в том, что большевистский триумф не представит из себя никакой серьезной опасности и что в 3--4 недели "здоровые элементы" русского народа справятся с бунтующей массой и установят в России "сильную власть". Увы, выполнив блестяще первую, так сказать, пассивную часть своего плана -- "свергнув" руками большевиков Временное Правительство -- наши "патриоты" оказались совершенно неспособными к осуществлению его второй, активной, действенной части; -- оказались неспособными победить большевиков не только в три месяца, но и в три года.

Около 20-го октября начали большевики осуществлять в С.-Петербурге свой план вооруженного восстания для свержения Временного Правительства во имя "мира, хлеба и скорейшего созыва Учредительного Собрания". Эта подготовка шла довольно успешно, в частности, и потому, что остальные социалистические партии и советские группировки, относясь ко всем сведениям о готовящихся событиях, как к "контрреволюционным измышлениям", даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способные в нужный момент оказать сопротивление большевистским затеям внутри самой "революционной демократии". Со своей стороны правительство готовилось к подавлению мятежа, но не рассчитывая на окончательно деморализованный Корниловским выступлением СПб гарнизон, изыскивало другие средства воздействия. По моему приказу с фронта должны были в срочном порядке выслать в СПб. войска и первые эшелоны с Северного фронта должны были появиться в столице 24-го октября.

В то же время полк. Полковников, командующий войсками СПб военного округа, получил приказ разработать подробный план подавления мятежа, ему же было предложено своевременно взять на учет и организовать все верные долгу части гарнизона. Полк. Полковников каждое утро лично представлял мне рапорт: при чем постоянно докладывал, что во вверенных ему войсках частей, которыми может располагать Правительство, "вполне достаточно" для того, чтобы справиться с готовящимся восстанием. К великому сожалению, мы, члены Правительства, слишком поздно узнали, что, как сам Полковников, так и часть его штаба вели в эти роковые дни д-в-о-й-н-у-ю и г-р-у и примыкали как раз к той части офицерства, в планы которой входило свержение Временного Правительства руками гг. большевиков.

24-го октября было уже совершенно очевидно, что восстание неизбежно, что оно уже началось. Около 11 час. утра я явился в заседание Совета Республики и попросил Н. Д. Авксентьева, председателя Совета, представить мне, как председателю Временного Правительства, немедленное слово для срочного сообщения, которое я должен сделать Совету Республики. Получив слово, я заявил, что в моем распоряжении находятся бесспорные доказательства организации Лениным и его сотрудниками восстания против Революционного

Правительства. Я заявил, что все возможные меры для подавления восстания приняты и принимаются Вр. Пр.; что оно будет до конца бороться с изменниками Родине и Революции; что оно прибегнет без всяких колебаний к военной силе, но что для успешности борьбы Правительству необходимо немедленное содействие всех партий и групп, представленных в Совете Республики, всей меры доверия и содействия. Для того, чтобы восстановить себе настроение того времени, достаточно вспомнить, что во время моей речи члены Совета Республики не раз, стоя, с особым подъемом свидетельствовали о своей полной солидарности с Временным Правительством в его борьбе с врагами народа. В минуты этого всеобщего подъема только некоторые одиночные представители партий и группировок, тесно связанных с двумя крайними флангами русской общественности, не могли преодолеть в себе жгучей ненависти к Правительству Мартовской Революции: они продолжали сидеть, когда все собрание поднималось, как один человек.

Уверенный в том, что представители народа до конца сознали всю исключительную тяжесть и ответственность положения, я, не ожидая голосования Совета, вернулся в Штаб к прерванной срочной работе, думая, что не пройдет и часа, как я получу сообщение о всех решениях и деловых начинаниях Совета Республики в помощь Правительству.

Ничего подобного не случилось. Совет, раздираемый внутренними распрями и непримиримыми разноречиями мнений, до позднего вечера не мог вынести никакого решения. Вожди всех антибольшевистских и демократических партий вместо того, чтобы спешно организовать свои силы для трудовой борьбы с изменниками, весь этот день и весь вечер потеряли на бесконечные и бесполезные споры и ссоры.

А тем временем, уже господствуя в Смольном и готовясь к последнему удару, большевики повсюду кричали, что все утверждения о "каком-то" большевистском восстании являются измышлениями "контрреволюционера" и "врага народа" Керенского. К сожалению, хорошо зная психологию своих советских противников, большевики этим приемом превосходно достигли своих целей.

Никогда я не забуду следующей, по истине, исторической сцены. Полночь на 25 октября. В моем кабинете в перерыве заседания Вр. Правительства, происходит между мной и делегацией от социалистических групп Совета Республики достаточно бурное об'яснение по поводу принятой наконец, левым большинством Совета резолюции по поводу восстания, которую я требовал утром. Резолюция, уже никому тогда ненужная, бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным мало понятная в существе своем, если прямо не отказала правительству в доверии и поддержке, то во всяком случае совершенно недвусмысленно отделяла левое большинство Совета Республики от правительства и его борьбы. Возмущенный, я заявил, что после такой резолюции правительство завтра же утром подаст в отставку; что авторы этой резолюции и голосовавшие за нее должны взять на себя всю ответственность за события хотя, невидимому, они о них имеют очень малое представление. На эту мою взволнованную филиппику спокойно и рассудительно ответил Дан, тогда не только лидер меньшевиков, но и т. д. председателя В.Ц.И.К. Конечно, я не могу сейчас воспроизвести заявление Дана в его собственных выражениях, но за точность смысла передаваемого ручаюсь; прежде всего Дан заявил мне, что они осведомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего "реакционного штаба". Затем он сообщил, что неприятная "для самолюбия правительства" резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для "перелома настроения в массах", что эффективнее уже сказывается, и что теперь влияние большевистской пропаганды будет "быстро падать". С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства из'явили готовность "подчиняться воле большинства советов", что они готовы "завтра же" предпринять все меры, чтобы потушить восстание, "вспыхнувшее" помимо их желаний, без их санкции. В заключение Дан упомянув, что большевики "завтра же" (все завтра) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мной меры к подавлению восстания только раздражают массы и что вообще я своим вмешательством лишь мешаю представителям большинства советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, как мне делалось это замечательное сообщение, вооруженные отряды красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по окончании этой беседы, на Миллионной улице по

пути домой с заседания Вр. Правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен в Смольный, куда отправились и члены бывшей у меня делегации вести мирные беседы с большевиками.

Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и не меньшим искусством.

В то время, когда восстание было в полном разгаре и "красные войска" действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей "революционной демократии" смотреть, но не видеть; слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые, якобы должны были стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом переговоров большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы с.-р. и меньшевиков не были во время мобилизованы. Что, впрочем, и требовалось доказать.

Не успел я кончить разговор с Даном и его товарищами, как ко мне явилась делегация от стоявших в С.-Петербурге казачьих полков, насколько помню, из двух-трех офицеров и стольких же строевых казаков. Прежде всего делегация эта сообщила, что казаки желают знать, какими силами я располагаю для подавления мятежа. А затем она заявила, что казачьи полки только в том случае будут защищать правительство если лично от меня получат заверение в том, что на этот раз казачья кровь "не прольется даром, как это было в июле, когда, будто бы мной не были приняты против бунтовщиков достаточно энергические меры". Наконец, делегаты особенно настаивали на том, что казаки будут драться только по особому моему личному приказу.

В ответ на все это я прежде всего указал казакам, что подобного рода заявления в их устах, как военнослужащих, недопустимы; в особенности сейчас, когда государству грозит опасность и когда каждый из нас должен до конца без всяких разсуждений исполнить свой долг. Затем я добавил: "Вы отлично знаете, что во время первого восстания большевиков с 3-го по 6-е июля я был на Западном фронте, где начиналось тогда наступление; вы знаете, что, бросив фронт, я 6-го июля приехал в Петроград и сейчас же приказал арестовать всех большевистских вождей; вы знаете также, что тут же я уволил от должности командующего войсками ген. Половцева, именно за его нерешительность во время этого восстания". В результате этого переговора казаки категорически заявили мне, что все их полки, расположенные в Петрограде, исполнят свой долг. Я тут же подписал особый приказ казакам -- немедленно поступить в распоряжение Штаба округа и беспрекословно исполнять все его приказания. В этот момент, в первом часу ночи 25-го октября, у меня не было ни малейших сомнений в том, что эти три казачьих донских полка не нарушат своей присяги, и я немедленно послал одного из моих ад'ютантов в штаб сообщить, что можно вполне рассчитывать на казаков. ,

Как утром, в Совете Республики, я еще раз жестоко ошибся. Я не знал, что пока я разговаривал с делегатами от полков, совет казачьих войск, заседавший всю ночь, решительно высказался за невмешательство казаков в борьбу Временного Правительства с восставшими большевиками.

После моих бесед с Даном и с казаками, я вернулся в заседание Временного Правительства. Всякому легко себе представить ту напряженную нервную атмосферу, которая царил в этом ночном заседании, в особенности после известия о захвате красной гвардией центрального телеграфа, почтамта и некоторых других правительственных зданий. Однако ни у кого из нас не возникла даже мысль о возможности каких-либо переговоров или соглашений с заседавшими в Смольном предателями. В этом отношении среди членов Временного Правительства господствовало полное единодушие. За то некоторые из членов правительства весьма сурово критиковали "нерешительность" и "пассивность" высших военных властей, совершенно не считаясь с тем, что нам приходится действовать, все время находясь между молотом правых и наковальной левых большевиков. Впрочем, эти строгие критики не проявили ни малейшего стремления принять активное участие в организации борьбы с разгоравшимся восстанием или, хотя бы, более энергично поддержать меня. Насколько помню, заседание Временного Правительства окончилось в начале второго часа ночи и все министры отправились по домам. Я остался один с А. И. Коноваловым, моим заместителем, министром торговли и промышленности. Мы были с ним неразлучны всю ночь. Да М. Терещенко остался еще некоторое время после ухода остальных министров в Зимнем дворце.

Между тем в городе восстание разрасталось с невероятной быстротой. Вооруженные отряды большевиков все тесней и тесней окружали здание Зимнего дворца и штаба военного округа. Солдаты лейб-гвардии Павловского полка устроили у своих казарм, в конце Миллионной ул. и Марсова поля настоящую западню, арестуя всех "подозрительных", шедших по направлению от дворца. Так был захвачен "в плен" Карташев, о котором я уже говорил, и управляющий делами Временного Правительства А. Вальперн. Дворец охранялся лишь юнкерами и небольшим отрядом блиндированных автомобилей.

Сейчас же после окончания заседания правительства, ко мне явился командующий войсками со своим начальником штаба. Они предложили мне организовать силами всех оставшихся верными Временному Правительству войск, в том числе и казаков, экспедицию для захвата Смольного института, -- штаб-квартиры большевиков. Этот план получил сейчас же мое утверждение и я настаивал на его немедленном осуществлении. Во время этого разговора я все с большим вниманием наблюдал за странным и двухсмысленным поведением полк. Полковникова, все с большей тщательностью следя за кричащим противоречием между его весьма оптимистическими и успокоительными сообщениями и печальной известной мне уже действительностью. Ведь стало более чем очевидно, что все его рапорты последних 10--12 дней о настроениях в войсках, о степени готовности его собственного штаба к решительной борьбе с большевиками -- все они были совершенно ни на чем не основаны. Во время моего совещания с командующим войсками явился Роговский -- правительственный комиссар по градоначальству, с чрезвычайно тревожными новостями, ни в чем не совпадавшими с только что мною выслушанными сведениями полк. Полковникова. Между прочим от Е. Ф. Роговского мы узнали, что значительное количество судов Балтийского флота в боевом порядке вошло в Неву; что некоторые из этих судов поднялись до Николаевского моста; что этот мост, в свою очередь, занят отрядами восставших, которые уже продвигаются дальше к Дворцовому мосту. Роговский обратил наше особое внимание на то обстоятельство, что большевики осуществляют весь свой план "в полном порядке", не встречая нигде никакого сопротивления со стороны правительственных войск. Мне же в отдельности Роговский передал неоднократно сделанное им наблюдение: Штаб петроградского военного округа с совершенным безразличием, не проявляя никакой деятельности, следит за происходящими событиями.

Из сопоставления рапорта полк. Полковникова с докладом Роговского выводы получились кричащие. Времени более нельзя было терять ни минуты. Нужно было все бросать и идти в Штаб.

Вместе с А.И. Коноваловым в сопровождении ад'ютантов отправились мы в Штаб, проходя по бесконечным, почти не освещенным коридорам и нижним залам дворца, где ложились уже спать бывшие в обычном карауле юнкера... Здание Штаба было переполнено офицерами всех возрастов и рангов, делегатами различных войсковых частей. Среди этой военной толпы повсюду шныряли какие-то никому неизвестные штатские. Поднявшись на 3-й этаж прямо в кабинет командующего войсками, я предложил полк. Полковникову сделать сейчас же подробный доклад о положении дел. Доклад окончательно убедил нас -- Коновалова и меня -- в невозможности больше полагаться на полк. Полковникова и на большинство офицеров его Штаба. Необходимо было в срочном порядке, хотя бы в последний час, собрать вокруг себя всех оставшихся верными долгу. Нужно было сейчас же брать в свои руки командование, но только уже не для наступательных действий против восставших, а для защиты самого правительства до прихода свежих войск с фронта и до новой организации правительственных сил в самой столице.

В самом Штабе округа было несколько высших офицеров, на которых я мог положиться с закрытыми глазами. Но этого было, очевидно, слишком мало. Я распорядился вызвать по телефону тех, чье присутствие мне казалось особенно нужным, и просить их явиться в Штаб без замедления. Затем я решил привлечь партийные военные организации П.С.Р.

Мучительно тянулись долгие часы этой ночи. Отовсюду мы ждали подкреплений, которые, однако, упорно не появлялись. С казачьими войсками шли бесперывные переговоры по телефону. Под разными предлогами казаки упорно отсиживались в своих казармах, все время сообщая, что вот-вот через 15--20 минут они "все выяснят" и "начнут седлать лошадей". С другой стороны партийные боевые силы не только не появлялись в Штабе, но и в городе-то не проявляли никакой деятельности. Этот загадочный с первого взгляда факт

об'яснялся крайне просто. Партийные центры, увлеченные бесконечными переговорами со Смольным, гораздо более рассчитывая на авторитет "резолюции", чем на силу штыков, не удосужились во время сделать соответствующие распоряжения. Вообще, нужно признать, что в то время, как большевики слева действовали с напряженной энергией, а большевики справа всячески содействовали их скорейшему триумфу, в политических кругах, искренне преданных Революции и связанных в своей судьбе с судьбой Вр. Правительства, господствовала какая-то непонятная уверенность, что "все образуется", что нет никаких оснований особенно тревожиться и прибегать к героическим мерам спасения.

Между тем ночные часы шли. И чем ближе было утро, тем невыносимее и напряженнее становилась атмосфера в Штабе. Один из преданных и честных офицеров, вызванный мной на работу, отдав себе отчет в том, что происходит в Штабе, и, в особенности, присмотревшись к действиям полк. Полковникова, пришел ко мне и с волнением заявил, что все происходящее он не может назвать иначе, как изменой. Действительно, офицерство, собравшись в значительном количестве в Штабе, вело себя по отношению к правительству, а в особенности, конечно, ко мне, все более вызывающе. Как впоследствии я узнал, между ними по почину самого полк. Полковникова шла агитация за необходимость моего ареста. Сначала об этом шептались, а к утру стали говорить громко, почти не стесняясь присутствия "посторонних". Безумная идея владела тогда многими умами: без Керенского можно будет легче и скорее справиться с большевиками; можно будет без затруднений создать, наконец, эту, так называемую, сильную власть. И не подлежит никакому сомнению, что всю эту ночь полк. Полковников и некоторые другие офицеры Штаба округа находились в постоянных сношениях с противоправительственными правыми организациями, усиленно тогда действовавшими в городе, как, например, с Советом союза казачьих войск, с союзом георгиевских кавалеров, с СПб отделом союза офицеров и прочими подобного же рода военными и гражданскими учреждениями.

Конечно, эта удушливая атмосфера не могла не воздействовать на настроение всех тех защитников существующей власти, которые были в общении с Штабом. Уже с вечера юнкера, настроение которых с начала было превосходно, стали терять бодрость духа; позднее начала волноваться команда блиндированных автомобилей; каждая лишняя минута напрасного ожидания подкреплений все более понижала "боеспособность" и у тех и у других.

В седьмом часу утра, переговорив еще раз по прямому проводу со ставкой Главкосева о всяческом ускорении высылки в СПб. верных войск, так и не дождавшись казаков, которые все еще "седлали лошадей", мы с Коноваловым, разбитые впечатлениями этой ночи и переутомленные, отправились назад в Зимний Дворец хоть немного вздремнуть. Помню, как по дороге нас не раз окружали группы взволнованных юнкеров; помню, как их приходилось успокаивать и раз'яснять все страшные для государства последствия успеха большевиков.

Поднявшись наверх в свои комнаты, я думал сейчас же собрать всю мою переписку, документы и отправить все это на хранение в верное место. Но тут же я почувствовал, какое тягостное впечатление произведет вся эта операция на всех находящихся в дворце, и отказался от своего намерения. Таким образом, все бумаги, хранившиеся у меня лично и в некоторой своей части представлявшие значительный интерес, в следующую ночь частью попали в руки большевиков, частью просто исчезли.

Расставшись с Коноваловым, дав несколько неотложных распоряжений "на всякий случай", я остался один и лег, не раздеваясь, на стоящую в моем кабинете оттоманку... Заснуть я не мог. Лежал с закрытыми глазами в какой-то полудреме. Не прошло и часа, как из этого состояния вывел меня фельдегерь, вошедший в комнату с экстренным сообщением. Большевики захватили центральную телефонную станцию и все наши (дворцовые) телефонные сообщения с городом прерваны; Дворцовый мост (под окнами моих комнат) занят пикетами матросов-большевиков; Дворцовая площадь совершенно безлюдна и пуста; о казаках ни слуху, как и следовало, впрочем, ожидать.

Не прошло 10-ти минут, как мы оба -- Коновалов и я, с ад'ютантами -- мчались назад в Штаб округа. Здесь за два часа нашего отсутствия ничего не изменилось... Впрочем, нет, изменилось -- у блиндированных автомобилей "исчезли" некоторые части и они стали столь же полезны для обороны, как и водовозные бочки. Подходы к Дворцу и Штабу совершенно никем и ничем не охранялись. Никаких сведений о высланных с Северного фронта эшелонах, хотя

они должны были быть уже в Гатчине, не поступало. Началась паника. Переполненное с вечера здание Штаба быстро пустело. Не успел я войти в Штаб, как ко мне явилась делегация от охранявших Дворец юнкеров. Оказалось, им большевики прислали форменный ультиматум с требованием покинуть Дворец под угрозой беспощадных репрессий. Делегаты просили указаний, заявляя при этом, что огромное большинство их товарищей готово исполнить свой долг до конца, если только есть какая-нибудь надежда на подход каких-либо подкреплений... В этих условиях было очевидно, что только действительное появление через самое короткое время подкреплений с фронта могло еще спасти положение.

Но как их получить? Оставалось одно: ехать, не теряя ни минуты, навстречу эшелонам, застрявшим где-то у Гатчины и протолкнуть их в СПб., несмотря ни на какие препятствия. Посоветовавшись с министрами Коноваловым и Кишкиным (к этому времени подоспевшим); переговорив с некоторыми оставшимися верными присяге офицерами Штаба, я решил прорваться через все большевистские заставы и лично встретить подходившие, как мы думали, войска.

Прежде всего для этого нужно было среди белого дня проехать через весь город, не возбуждая подозрения разбросанных повсюду большевистских войск и караулов красной гвардии. Это было самым трудным... После некоторого размышления решили идти напролом: чтобы усыпить всякую неосторожность будем действовать с открытым забралом.

Я приказал подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль. Солдат-шоффер был у меня отменно-мужественный и верный человек. Один из ад'ютантов об'яснил ему задачу. Он ни секунду не колеблясь, ее принял. Как назло у машины не оказалось достаточного для долгого пути количества бензина и ни одной запасной шины. Предпочитаю лучше остаться без бензина и шин, чем долгими сборами обращать на себя внимание. Беру с собой в дорогу кроме двух ад'ютантов еще капитана Кузьмина, пом. команд, войсками и его штаб-офицера. Каким образом, не знаю, но весть о моем от'езде дошла до союзных посольств. В момент самого выезда ко мне являются представители английского, и, насколько помню, американского посольств с заявлением, что представители союзных держав желали, чтобы со мной в дорогу пошел автомобиль под американским флагом. Хотя было более чем очевидно, что американский флаг, в случае неудачи прорыва, не мог бы спасти меня и моих спутников, и даже, наоборот, во время проезда по городу мог бы усилить к нам ненужное совсем внимание, я все-таки с благодарностью принял это предложение, как доказательство внимания союзников к русскому Правительству и солидарности с ним.

Пожав в последний раз руку Кишкину, взявшему на себя на время моего отсутствия руководство обороной столицы, я с самым беззаботным видом сошел вместе со своими спутниками во двор Штаба. Сели в автомобиль. Тут оказалась кстати американская машина; одному из офицеров не хватило у меня места и он поехал отдельно, но с условием держаться от нас в городе со своим американским флагом на "почтительном" расстоянии. Наконец, мы пустились в путешествие. Вся привычная внешность моих ежедневных выездов была соблюдена до мелочей. Сел я, как всегда, на свое место -- на правой стороне заднего сидения в своем полувоенном костюме, к которому так привыкло население и войска. В самом начале Морской, у телефонной станции, мы поехали мимо первого большевистского караула. Потом у Астории, у Мариинского Дворца -- повсюду стояли патрули и отряды красных. Нечего и говорить, что вся улица -- и прохожие, и солдаты, -- сейчас же узнали меня. Военные вытягивались, как будто и впрямь ничего не случилось. Я отдавал честь, как всегда. Наверное секунду спустя моего проезда ни один из них не мог себе об'яснить, как это случилось, что он не только пропустил этого "контр-революционера" "врага народа", но и отдал ему честь.

Благополучно проехав через центральные части города, мы, в'езжая в рабочие кварталы и приближаясь к Московской заставе, стали развивать скорость и, наконец, помчались с головокружительной быстротой. Помню, как на самом выезде из города, стоявшие в охране краснотвардейцы, завидя наш автомобиль, ехали с разных сторон сбегаться к шоссе, но мы уже промчались мимо, а они не только попытки остановить не сделали, они и распознать-то нас не успели.

В Гатчине мы в'ехали прямо под ворота Дворца к под'езду коменданта. Продрогли во время этой бешеной гонки до мозга костей. Узнав к нашему величайшему удивлению, о том, что никаких эшелонов с фронта в Гатчине нет и

никто тут об них ничего не слышал, решаем сейчас же ехать к Луге, а если понадобится, то и до Пскова. Пускаться в такой далекий путь по осенней дороге без запасных шин и бензина немыслимо, поэтому решаем на полчаса войти в квартиру коменданта, обогреться и выпить по стакану чая, пока наши машины сходят за всем нужным в гараж автомобильной команды. Однако, с первого шага на квартире коменданта мне его поведение показалось крайне странным. Он старался говорить как можно громче. Держался больше у открытых дверей в соседнюю комнату, откуда нас внимательно рассматривали какие-то солдаты. Как будто повинуюсь какому внутреннему голосу, я вдруг приказал задержать мой автомобиль и предложил моим спутникам без всякого чая немедленно отправиться в путь. Только автомобиль под американским флагом с одним из офицеров отправился в гараж за всем необходимым...

Мы уехали вовремя. Через пять минут после нашего отъезда во двор Дворца влетел разукрашенный красными флагами автомобиль: это члены местного военно-революционного комитета примчались меня арестовывать. Оказывается, что СПб. в штабе нашлись предатели, которые успели известить Смольный о моем выезде в Гатчину. Из Смольного последовало сюда распоряжение о немедленном нашем задержании. Однако, наш автомобиль успел благополучно вырваться из города. Зато вторая наша машина попала в серьезную переделку. Более часа колесила она по улицам Гатчины. Ей удалось благополучно, хотя под выстрелами, проскочить две засады, но у третьей -- одна пуля пробила шину, другая -- ранила шофера в руку. Мой же офицер, бросив машину вместе с американским флагом, должен был бегом спасаться в лес. Впрочем, об этой истории мы узнали лишь на другой день, вернувшись в Гатчину с фронта.

Тогда же, выезжая из Гатчины, мы ни о чем не думали; только считали минуты и вздрагивали от каждого толчка, трепеща за шины, которые нам нечем было заменить. Не стоит описывать нашу безумную погоню за неуловимыми эшелонами с фронта, которых мы так нигде и не нашли, вплоть до самого Пскова. Везжая в этот город, насколько помню в девятом часу вечера, мы ничего не знали о том, что здесь происходит; известны ли здесь уже СПб, события, и, если известны, то как они здесь отразились, поэтому решили действовать с величайшей осмотрительностью и поехали не прямо в ставку Главнокомандующего Северным фронтом генерала Черемисова, а на частную квартиру, к его генерал-квартирмейстеру Барановскому, бывшему начальнику моего военного кабинета. Тут я узнал, что все сведения из СПб. самые мрачные, что в самом Пскове уже действует большевистский военно-революционный комитет; что в руках у этого комитета подписанная прап. Крыленко и матросом Дыбенко телеграмма о моем аресте в случае появления в Пскове. Сверх всего этого я узнал и еще худшее, а именно: что сам Черемисов делает всяческие авансы революционному комитету и что он не примет никаких мер к посылке войск в СПб., так как считает подобную экспедицию бесцельной и вредной.

Вскоре, по моему вызову, явился сам Главнокомандующий. Произошло весьма тяжелое об'яснение. Генерал не скрывал, что в его намерения вовсе не входит в чем-нибудь связывать свое будущее с судьбой "обреченного" Правительства. Кроме того, он пытался доказать, что в его распоряжении нет никаких войск, которые он бы мог выслать с фронта, и заявил, что не может ручаться за мою личную безопасность в Пскове. Тут же Черемисов сообщил, что он уже отменил свой приказ, ранее данный в соответствии с моим требованием из СПб., о посылке войск, в том числе и 3-го конного корпуса. -- Вы видели ген. Краснова, он разделяет ваше мнение? -- спросил я его. -- Генерал Краснов с минуты на минуту приедет ко мне из Острова. -- В таком случае, генерал, немедленно направьте его ко мне. -- Слушаюсь.

Генерал ушел, сказав, что идет прямо на заседание военно-революционного комитета; там окончательно выяснит настроение местных войск и вернется ко мне доложить. Отвратительное впечатление осталось у меня от свидания с этим умным, способным, очень честолюбивым, но совершенно забывшем о своем долге, человеком. Значительно позже я узнал, что по выходе от меня, генерал не только пошел в заседание военно-революционного комитета. Он пытался еще по прямому проводу уговорить Командующего Западным фронтом ген. Балуюева оказывать помощи Правительству...

Отсутствие Черемисова тянулось бесконечно долго. А между тем каждая минута была дорога, ибо всякое опоздание могло вызвать в СПб. событие непоправимое. Был одиннадцатый час ночи. Разве мы в Пскове могли знать

тогда, что в это самое время Зимний Дворец, где заседало Временное Правительство, выдерживал бомбардировку и последние атаки большевиков. Только в первом часу ночи явился, наконец, ген. Черемисов, чтобы заявить, что никакой помощи он Правительству оказать не может. А если, продолжал генерал, я остаюсь при убеждении необходимости сопротивления, то мне нужно немедленно ехать в Могилев, так как здесь в Пскове мой арест неизбежен. Говоря о Могилеве, генерал Черемисов, однако, не доложил мне, что начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Духонин дважды добивался непосредственного разговора со мной и что дважды он ему в этом отказал, не спрашивая меня. -- "А Краснов"? -- спросил я. "Он был и уже уехал назад в Остров". -- "Но позвольте, генерал, я же просил Вас прислать Краснова ко мне". -- Насколько помню, на это восклицание ответа не последовало. Во всяком случае я его не помню. Да и не все ли мне равно, что ответил генерал. Его преступное уклонение от исполнения своего долга было очевидно, и я торопился от него отделаться. У меня не было никаких колебаний. Я должен вернуться в СПб., хотя бы с одним полком. Обсудив вместе с ген. Барановским и моими молодыми спутниками создавшееся положение, я решил немедленно ехать в штаб-квартиру 3-го конного казачьего корпуса в Остров, а если там ничего не выйдет, продолжать путь в ставку в Могилев. В ожидании автомобиля я прилегал отдохнуть. В ночной тишине, казалось, слышен был стремительный бег секунд, и сознание, что каждый потерянный миг толкал все в пропасть, было прямо невыносимо. Никогда еще так ненавидел я этот бессмысленный бег времени все вперед, все вперед... Вдруг звонок у парадной двери. Краснов со своим Начальником Штаба. Желает сейчас же меня видеть. В зале меня дожидались оба офицера. Оказывается, получив от генерала Черемисова моим именем приказ, отменявший начатое движение на СПб., генерал Краснов в подлинности этого приказа усомнился и вместо от'езда в Остров стал тут же ночью разыскивать меня. -- "А я, генерал, только что должен был уехать к Вам в Остров, рассчитывая на Ваш корпус и предполагая, несмотря ни на какие препятствия, идти на СПб."

Было решено, что мы сейчас вместе выезжаем в Остров с тем, чтобы в то же утро с наличными силами двинуться к столице. Здесь, чтобы легче понять все последующие роковые события, нужно на минуту остановиться и вспомнить прошлое 3-го конного корпуса, с которым судьбе угодно было связать последнюю попытку Временного Правительства спасти государство от большевистского разгрома. 3-й конный корпус был тот самый, знаменитый корпус, который во главе с "дикой дивизией" под командой ген. Крымова был брошен ген. Корниловым 25-го августа против Временного Правительства. После "неудачи" деморализованные части этого корпуса были разбросаны по всему Северному фронту. Вот почему вместо "корпуса" я нашел в Острове лишь несколько полков. С другой стороны, самое участие в Корниловском походе сильно понизило дух корпуса, разрушило в значительной степени воинскую дисциплину и поселило глубокое недоверие к офицерству в строевом казачестве. Офицеры же в свою очередь никак не могли примириться с крахом Корниловского начинания и ненавидели всех его противников, в особенности, конечно, меня... Сам ген. Краснов держал себя в сношении со мной с большой, но корректной сдержанностью. Он был, вообще, все время очень, как говорится, себе на уме. Однако, у меня сразу создалось впечатление, что он лично готов все сделать для подавления большевистского мятежа.

Поздней ночью мы выехали в Остров. На рассвете были там. Данный по корпусу приказ об отмене похода в свою очередь был отменен. Поход на СПб. -- об'явлен. Мы не знали тогда, что Правительство, на помощь которому мы спешили, уже во власти большевиков, а сами министры сидят в Петропавловской крепости. Но мы воочию наблюдали, с какой стремительной быстротой Петербургские события отзывались на фронте, разрушая дисциплину, и едва налаженный после Корнилова порядок. Не успели мы в'ехать в Остров, как стали уже кругом поговаривать о том, что местный гарнизон решил прибегнуть к силе, дабы не выпустить казаков из города. Действительно, присутствуя утром, по просьбе ген. Краснова на собрании гарнизонных и казачьих делегатов, я сам мог убедиться, что каждый лишний час промедления в городе делал самое выступление корпуса из Острова все более гадательным. Постепенно, вокруг самого здания штаба 3-го корпуса скапливалась, все разрастаясь солдатская толпа, возбужденная и частью вооруженная.

Наконец, около десяти часов утра с вокзала сообщили, что воинские

поезда готовы к нагрузке. Наши автомобили пошли к станции, конвоируемые казаками, напутствуемые ревом и угрозами разнузданной солдатчины. На вокзале новые серьезнейшие затруднения. Псков под разными предлогами, чтобы парализовать наше начинание, не давал пути нашим поездам. Только мое личное присутствие среди войск, в конце концов помогло устранить препятствие. С большим опозданием поезда, груженные эшелонами 3-го конного корпуса, двинулись в путь. Вся "боевая мощь" корпуса сводилась к 500--600 казаков и к нескольким пушкам. С этими "силами" мы решились, однако, во что бы то ни стало пробить себе дорогу к СПб., не ожидая никаких подкреплений и нигде не останавливаясь. Теперь я думаю, что это была ошибка непоправимая. Если бы в то утро, 26-го октября, я уже знал о захвате большевиками Вр. Правительства, я наверное, не остановился бы на этом слишком рискованном плане. Основной его недостаток заключался в том, что, пробивая себе с казаками путь через все препятствия, мы оставляли за собой все опасные пункты в руках враждебных Правительству сил и теряли всякую связь с тылом, откуда нужно было подтягивать подкрепления. Только к вечеру этого дня в поезде под Лугой, мы получили первое известие о захвате Зимнего Дворца. Специальный курьер привез мне эту новость от ген. Барановского, который в свою очередь получил сообщение по прямому с телеграфной станции Зимнего Дворца от одного из офицеров военного кабинета. Казалось бы, известие о катастрофе пришло из безукоризненного источника... Но, как это в жизни часто встречается, самое достоверное показалось невероятным, а сам гонец из Пскова -- подозрительным.

Ведь у нас в поезде офицер, покинувший Петербург утром 26-го октября. По его словам в это время Правительство еще оборонялось в дворце, а в городе силы сопротивления против большевиков увеличивались. Сопоставляя это показание "очевидца" с содержанием привезенной из Пскова телеграммы, невольно напрашивалась мысль, что трагическое известие было сфабриковано большевистским агентом для того, чтобы вызвать смятение и деморализацию в рядах правительственных сил. И как бы не было трудно, почти безнадежно положение СПб., еще утром 25-го, в час нашего от'езда, нам все-таки представлялось невероятным, что большевики к двум часам утра на 26-е могли уже сделаться хозяевами Дворца и Штаба.

27-го на рассвете наш отряд приблизился к Гатчине, которая к этому времени была уже официально во власти большевиков; во власти местного военно-революционного комитета. Город был переполнен различными большевистскими войсками: местной пехотой, артиллерией, матросами из Кронштадта, блиндированными автомобилями из Петербурга и т. д. Несмотря на подавляющее численное превосходство "врага" было решено город занять немедленно. Войска были выгружены, и военные операции начались. Эти операции быстро и блестяще закончились. Почти без выстрела и, насколько помню, без всяких жертв, Гатчина была занята правительственными "войсками". "Революционные" же войска удирали во все стороны или сдавались со всеми своими ружьями, пулеметами, ручными гранатами и т. п. При поспешном отступлении даже один блиндированный автомобиль оказался просто брошенным своей командой... Около 4 часов дня я снова вместе со всеми своими спутниками входил в квартиру коменданта, которую менее двух суток тому назад так во время и так счастливо покинул.

Приготавливая дальнейшие военные операции я, конечно, не взял на себя военно-технического руководства и назначил ген. Краснова командующим всеми вооруженными силами СПб района. В этой области, полагал я, на мне будет лежать обязанность всемерно поддерживать ген. Краснова, особенно в тех случаях, где его личного авторитета будет не достаточно. Первым непременным условием дальнейшего успеха нашего отряда было срочное появление с фронта подкреплений, в частности пехоты. С первой минуты появления в Гатчине я стал посылать во все стороны телеграмму за телеграммой с требованием высылки войска. Отовсюду отвечали, что войска уже высланы или высылаются. По нашим расчетам, основанным на официальных данных, первый эшелон пехоты во всяком случае должен был быть в Гатчине к вечеру 27-го. Особенно настоятельная потребность в пехоте была у нас не только потому, что было весьма затруднительно развивать операции с одной только кавалерией и артиллерией. Строевые казаки 3-го корпуса, вспоминая горький опыт Корниловского похода, настойчиво добивались, чтобы рядом с ними сражались не только чужие офицеры, но и солдаты. Дело в том, что наше появление в Гатчине привлекло сюда значительное количество офицеров. Это придавало нашему лагерю довольно

своеобразный вид и весьма настораживало казачью массу; настораживало тем более, что им приходилось слышать в этой офицерской толпе разговоры и выражения, действительно, достаточно "старорежимные". Я думаю, что именно это выявлявшееся нервное и недоверчивое к офицерству настроение линейных казаков и заставило Краснова с его штабом вести себя с побежденными с гораздо большей снисходительностью, чем, по правде сказать, это следовало. Впрочем, ген. Краснов и в Гатчине и позже в Царском Селе, предпочитал, как правило, прибегать не к силе оружия, а к переговорам, речам и увещаниям. Кроме того не принималось никаких мер к очищению занятых городов от большевистских элементов. Пользуясь этим, большевистские агенты всюду проникали, всюду путали, мешали, саботировали; постоянно распускали панические слухи, наконец, проникли в казачьи ряды, где вели ловкую пропаганду против офицерства, выставляя и меня "реакционером", "вторым Корниловым" и т. д. За все это положение вещей, конечно, ответственен я сам, но у меня было правило: не вмешиваться в распоряжение лиц, которым я поручил исполнение той или иной задачи.

Как не были ничтожны наши силы, мы решили в ожидании подкрепления с фронта не останавливать нашего марша на СПб. Прежде всего мы были убеждены, что первые эшелоны, как я уже говорил, будут в Гатчине вечером 27-го или в крайнем случае на рассвете 28-го октября. А затем нужно было использовать до конца то деморализующее впечатление, которое произвело на восставших быстрое появление войск с фронта и захват Гатчины. Ведь никто еще не знал действительного количества штыков и орудий, бывших в нашем распоряжении.

Весь Петербург, дружественный и враждебный, был убежден, что количество "войск Керенского" исчисляется тысячами. Наконец, тактика "быстроты и натиска" диктовалась повелительно общим состоянием страны и, в особенности, фронта. Главным козырем большевистской игры был мир, мир немедленный. Захватив в ночь на 26-е здание главного телеграфа СПб. и самую в России могущественную Царскосельскую радиостанцию, г.г. большевики стали немедленно рассылать по всему фронту свои воззвания о мире, провоцируя утомленных солдат, толкая их на стихийную демобилизацию и бегство домой, на братание и постыдное "замирение" по-ротно и по-взводно. Необходимо было бы пытаться разорвать все связи между С.-Петербургскими большевиками и фронтом, остановить поток отравленной пропаганды, растекавшийся повсюду по проводам и приемникам правительственного телеграфа и радио. Через 8--10 дней было бы уже поздно: фронт был бы сорван, и страну затопила бы стихия сорвавшейся с фронта солдатчины. Выхода не было. Надо было безумно рисковать, но действовать.

Кстати, я должен сказать, что установившаяся легенда, что Вр. Правительство -- Правительство Февральской Великой Революции -- исчезло с лица земли среди всеобщего равнодушия, не вполне соответствует истине. В действительности в дни нашего похода на СПб. были дни, когда гражданская война вспыхнула и разгорелась по всей стране и на фронте. Героическое восстание юнкеров 29-го в СПб., уличные бои в Москве, Саратове, Харькове и т. д., сражения между верными Правительству и восставшими войсковыми частями на фронте -- все это достаточно свидетельствует, что мы были не совсем одиноки в нашей последней борьбе за честь, достоинство и самое существование нашей родины.

Упадок духа и малодушие, овладевшее верхами революционных кругов, полное всеобщее почти непонимание рокового смысла развивающихся событий; отсутствие у одних сознания неразрывной связи судьбы самой Февральской Революции с судьбой в ее недрах рожденной власти; тайные опасения у других, как бы слишком скорый провал большевиков не послужил к торжеству "реакции", надежды у третьих руками большевиков покончить с ненавистной демократией; наконец, целый вихрь личных интриг и воцелений -- все эти процессы разложения на верхах революционной общественности свели на-нет все тогдашние попытки предотвратить крах, который впрочем, быть может, был неизбежен.

II.

Итак, обосновавшись с утра 27-го в Гатчине, мы, подсчитав все наши наличные силы и возможные подкрепления, решили на рассвете 28-го начать движение на Царское Село с расчетом захватить его к полудню этого же дня. Сам ген. Краснов был полон уверенности и бодрости, считал, что подкрепление ему понадобится главным образом лишь после овладения Царским для петербургской операции в тесном смысле этого слова. Настроение казаков в

этот день 27-го было тоже вполне удовлетворительно. К рассвету 28-го казаки стали выступать из Гатчины и скоро их полки в полном порядке вытянулись вдоль царско-сельского шоссе. В это же утро пришло первое подкрепление; превосходно блиндированный поезд, обильно снабженный пулеметами и скорострельными легкими пушками. Но уже в это утро нас стала сильно беспокоить и волновать та медлительность, с которой продвигались к нам с фронта эшелоны. Эта медлительность становилась прямо странной и загадочной. Позднее мы получили об'яснение этой загадочности: с одной стороны, нас "саботировали" некоторые штабы, например, тот же Черемисов; с другой -- большевики, железнодорожники и телеграфисты применяли к воинским поездом, шедшим в направлении на Гатчину, итальянскую забастовку. Часа через три после выступления отряда я выехал к нему вдогонку. Я нашел казаков совсем не там, где рассчитывал. К сожалению, отряд продвигался совсем не с той быстротой, с какой предполагалось, и скоро выяснилось окончательно, что казаки ни в каком случае к полудню в Царское Село не успеют...

Следуя раз навсегда принятому правилу не вмешиваться в чисто военные операции, я остановился приблизительно на полдороге между Гатчиной и Царским Селом, у здания метеорологической обсерватории, с вышки которой в бинокль все "поле военных действий" было как на ладони. Здесь, а может быть, несколько раньше в пути, я узнал, что большевики будто бы успели организовать под Царским Селом кое-какое сопротивление и что ген. Краснов только после некоторого артиллерийского обстрела атакует город.

Действительно, спустя некоторое время по приезде нашем на обсерваторию, мы услышали короткую канонаду. Затем все ст^ахло. Время шло. Тишина нигде не нарушалась. От ген. Краснова никаких известий не поступало. Наконец, мне надоело ждать и ничего не делать: я сам поехал к месту сосредоточения правительственных войск. Ген. Краснов доложил, что задержка об'ясняется лучшей, чем он думал, организацией обороны Царского Села, а также слишком ничтожной численностью нашего отряда. В продолжение этого разговора ген. Краснов как-то по новому держал себя со мной, и, между прочим, просил меня не оставаться на поле сражения, как-то не особенно раздельно об'ясняя мне, что мое присутствие не то мешает операциям, не то волнует офицеров, что-то в этом роде. Все это мне казалось очень странным, не совсем понятным, пока... Пока я не заметил в его окружении несколько слишком хорошо известных мне фигур, из совета союза казачьих войск. Оказалось, что совет прислал ген. Краснову особую Делегацию. Тогда новый тон и новая манера генерала мне стали слишком понятны, еще было в памяти поведение казачьих полков в Петрограде, в ночь на 26-е, их подозрительный нейтралит -- результат агитации этого самого совета. Появление политиканов и интриганов из союза казачьих войск в моем отряде сразу почувствовалось и не предвещало ничего хорошего. Мое внимание еще больше насторожилось, когда в обсерватории, куда я вернулся после беседы с ген. Красновым, меня нагнал Савинков.

Савинков -- в моем отряде, как делегат совета союза казачьих войск? Это появление тогда, и потом долгое время спустя оставалось для меня совершенной загадкой? Какими путями и средствами Савинков -- по его собственному домогательству назначенный мной начальником Петрограда против войск Корнилова, -- Савинков, первый в своем воззвании назвавший восставшего генерала изменником, -- каким образом он заручился доверием совета казачьих войск, -- организации до конца преданной Корнилову. Ведь все эти Дутовы, Анисимовы и проч. казачьи политиканы были злейшими врагами Временного Правительства и, в особенности моими.

В ту минуту появление в моей маленькой комнатке обсерватории, где я сидел, этого своеобразного "казака" сразу, быстротой молнии осветило мне все новое положение в отряде: я не столько понял, сколько почувствовал, что появление этой "делегации" не пройдет даром для успеха всего предприятия. Я уже не помню всех деталей этого короткого свидания с Савинковым. Помню только, что этот "казак" старался говорить с особо загадочным и трагическим видом; что он особо предостерегающим тоном вопрошал меня, намерен ли я предоставить ему какое-либо официальное при себе положение. Я уклонился от всякого с ним по существу разговора. Мы расстались...

А время шло. Солнце уже склонилось к западу. Я успел еще раз по разным срочным делам с'ездить в Гатчину, но о решительном "натиске" на Царское Село так и не было ничего слышно. Тогда я снова поехал в отряд, на этот раз с

твердым решением вмешаться в самые военные действия. Я уже более не сомневался, что внезапный "паралич", охвативший все части 3-го конного корпуса, происхождения не военно-технического, а чисто политического. Я нашел отряд Краснова уже в самом предместьи города, но не заметил ни малейшего намека на военные действия. Напротив, между "осаждавшими" и "осажденными" шли какие-то бесконечные переговоры о добровольном подчинении, о сдаче оружия и т. д. Выяснив на месте положение, я послал ген. Краснову одно или два (не помню) письменных требования, немедля начать военные действия против Царского Села, открыв артиллерийский огонь. Генерал отвечал, что недостаточное количество войск, а также колеблющееся и крайне возбужденное настроение казаков, заставляют его избегать всяких решительных мер. Было очевидно, что Краснов не торопился. До сих пор я остаюсь в глубочайшем убеждении, что при доброй воле командования, присутствии интриг, мы заняли бы Царское Село еще утром, на 12 часов раньше, чем это случилось. А это в свою очередь дало бы нам возможность начать следующую операцию на 24 часа раньше, т. е. до разгрома восстания юнкеров. Как будет видно дальше, это сознательное промедление под Царским Селом было последним роковым ударом для всего нашего похода.

Уже совсем вечером, ген. Краснов, так и не начиная бомбардировки, доложил мне, что намерен несколько оттянуть войска назад, отложить занятие Царского Села на завтра. Это было уже слишком. Я ни при каких условиях не мог дать на это свое согласие. Во первых, я не видел никаких препятствий к немедленному овладению Царским Селом; во вторых, я считал недопустимым, чемнибудь в наших действиях создать впечатление нашей слабости и неуверенности. Как раз в это время приехавший из СПб. комиссар Северного фронта Станкевич сильно помог мне в моем разногласии с ген. Красновым. Станкевич, сообщая о положении в столице и, в частности о состоянии там готовых нас поддержать боевых сил, всячески настаивал на ускорении нашего продвижения к Петербургу. В конце концов, было решено немедленно занять Царское Село. Около полуночи, как и следовало ожидать, без всяких затруднений, что называется -- "без выстрела" наш отряд вступил в город. С таким же успехом это можно было ожидать ровно на 12 часов раньше.

Поехал я на ночевку в Гатчину с самыми мрачными мыслями. Опыт этого дня не оставлял больше сомнений, что высшее командование отрядом уже во власти всяческих интриг, что мысль о благе Государства померкла в умах многих. Скорейшее окружение ядра казачьих войск армейской пехотой, артиллерией и проч.-- вот, казалось мне, единственный выход из тупика. Я надеялся твердо в Гатчине найти свежие войска, которые я мог бы сейчас же направить в Царское. В Гатчине я нашел только... телеграммы. Между тем за день нашего отсутствия настроение здесь в низах сильно ухудшилось; особенно под влиянием обнаружившегося на правом фланге (в направлении на Ораниенбаум и Красное Село) и развивавшегося движения большевистских сил; действовали здесь, главным образом, матросские отряды.

Неопределенность положения, отсутствие точных сведений, масса нелепых слухов создавали в городе, особенно к ночи, крайнюю нервозность, готовую в любую минуту превратиться в панику. Как раз в эту ночь на 29-е и в утро следующего дня в СПб. разыгралось трагическое кровавое недоразумение. В то время в СПб гарнизоне, как в полках, так и в специальных войсках, было еще достаточно организованных анти-большевистских элементов, готовых при первом удобном случае с оружием в руках выступить против большевиков. Если к этому добавить военные училища, которые почти все тогда готовились к восстанию, да три казачьих полка, то в СПб. оказался бы весьма серьезный анти-большевистский "кулак", который в нужное время мог бы нанести решительный удар в тыл большевистским войскам, занимавшим у Пулкова позиции фронтом к моему отряду. Сверх того, в это время все партийные боевые организации в особенности П. С.-Р., были тоже мобилизованы... Однако по случайным, еще недостаточно выясненным обстоятельствам, а также по злой воле предателей, провокаторов, все готовые к бою анти-большевистские силы были пушены в действие раньше, чем мы могли их поддержать, или, по крайней мере, воспользоваться восстанием в СПб. для атаки на большевистские войска у Пулкова.

Конечно, если бы мы были во время осведомлены о событиях в столице, мы немедленно бросились бы на помощь, как бы в распах не застало нас известие о восстании. Весь ужас положения заключался в том, что не только

спровоцированное восстание вспыхнуло преждевременно, но о нем мы в Царском Селе весь день ничего не знали. Только около 4-х часов дня, когда все уже было кончено меня вызвали по телефону из Михайловского Замка и сообщили о разгроме и о том, что оставшиеся в живых повстанцы умоляют о помощи... Но что я мог теперь сделать? Как мог СПб. восставать без всякой связи с нами. Этот вопрос приводил меня в отчаяние.

Поздно вечером в Гатчину приехали из СПб. некоторые из моих политических друзей и привезли с собой страшный ответ на этот мучивший меня вопрос. Оказывается, по плану заговорщиков, восстание должно было вспыхнуть в нужный момент в полном соответствии с ходом военных действий нашего отряда. В заседании военного Совета, происходившем вечером 28-го октября; никакой резолюции о немедленном восстании принято не было. Это произошло позже, когда заседание кончилось и большая часть участников его разошлась. В этот момент в помещении заседания Совета явилось несколько военных с крайне тревожным, но едва ли верным известием.---Большевики, узнав о готовящихся событиях, решили с утра 29-го приступить к разоружению всех военных училищ; больше поэтому медлить нельзя, завтра же нужно рисковать... И действительно, утром началась канонада, происхождение и смысл которой сначала оставались совершенно непонятными большинству гражданских и военных руководителей анти-большевистского движения в СПб. Провокация вполне достигла своей цели. Анти-большевистские боевые силы были во время и на голову разбиты в столице. Наш отряд не мог больше ни на что рассчитывать в СПб. Зато большевистские войска, стоявшие против нас, сильно ободрились.

Не могу не подчеркнуть поведение, во время этого несчастного восстания 29-го, тех казачьих полков, которые, дав лично мне торжественное обещание исполнить свой долг, так всю ночь на 26-е октября и "седлали своих коней". Эти полки остались верны себе. Несмотря на предварительные переговоры, несмотря на все ужасы, творившиеся на улицах СПб., когда юнкера и штатские расстреливались и топились сотнями, несмотря на все это казаки остались "нейтральными". Старик Н. В. Чайковский вместе с Авксентьевым ездили в казармы умолять казаков о помощи. Все было тщетно. По рассказам участников восстания полк. Полковников и ему подобные остались верны, своей тактике; руками большевиков разбить Вр. Правительство и ненавистную демократию, а затем создать сильную диктаторскую власть.

Но вернемся к Царскому. Весь день 29-го прошел здесь в подготовке к бою, который должен был начаться на рассвете 30-го в понедельник. Фронт большевиков проходил по высотам Пулкова. На правом фланге у них было Красное Село; оттуда они могли предпринять обходное движение на Гатчину. По донесениям разведчиков против нас было сосредоточено не менее 12--15 тысяч войск всякого рода оружия. Пулковские высоты были заняты кронштадтскими матросами, как оказалось, прекрасно вышколенными германскими инструкторами. Но мы располагали несколькими сотнями (600--700) казаков, превосходной, но малочисленной артиллерией, одним блиндированным поездом с полком пехоты, подоспевшим из Луги. Немного. Правда, мы имели еще целые груды телеграмм, извещавшие нас о приближении эшелонов. Около 50 воинских поездов, преодолевая всякие препятствия, пробивались к Гатчине с разных фронтов. Но ждать и медлить было уже невозможно. Большевистское командование лихорадочно накапливало силы и вот-вот могло перейти в наступление... Ранним утром 30-го октября началось сражение под Пулковым. В общем, оно развивалось для нас благоприятно. Большая часть большевистских войск (СПб. гарнизона) бросали свои позиции, и как только начинался обстрел нашей артиллерии и при малейшем натиске казаков. Но правый фланг большевиков держался крепко. Здесь дрались кронштадтские матросы с германскими инструкторами. В рапорте, поданном мне вечером этого дня генералом Красновым, прямо говорилось, что матросы сражались по всем правилам немецкой тактики и что среди них взяты были в плен люди, не говорившие ни слова по русски или говорившие с немецким акцентом. Бой под Пулковым закончился к вечеру для нас успешно. Но этот успех нельзя было ни использовать (преследованием), ни закрепить благодаря ничтожности наших сил. Генерал Краснов "в полном порядке" отошел к Гатчине; около 8-ми часов вечера Краснов со штабом и в сопровождении своих утомленных и возбужденных полков в'езжал в ворота Гатчинского Дворца.

Вероятно, с точки зрения военной, этот маневр был вполне об'ясним и резонен. Но в напряженной, колеблющейся политической обстановке того времени отход вызвал полное разложение в рядах правительственного отряда. Это было

началом конца.

Прежде чем описывать эти последние 36 часов нашей агонии, вернусь к настроениям в отряде, пока он был в Царском Селе. Тогда понятнее будет психология последних гатчинских событий. К несчастью, все отрицательные стороны нашего гатчинского быта в Царском развернулись пышным цветом. С одной стороны горсть наших казаков прямо растаяла в местной гарнизонной массе. Никаких мер охраны, изоляции, хотя бы внешнего порядка -- принято не было. Всюду -- в аллеях парка, на улицах, у ворот казарм-- шли митинги, собирались кучки, шныряли агитаторы "обрабатывавшие" наших "станичников". Как и раньше "гвоздем" пропаганды было сравнение моего похода с Корниловским. "Опять, товарищи, вас, как при царе и при Корнилове хотят заставить избивать крестьян и рабочих, чтобы вернуть всю власть помещикам, буржуям и генералам". Строевые казаки не оставались равнодушными к этой демагогии и смотрели в сторону своего начальства все сумрачнее. А в это время само начальство -- от самых верхов Штаба до последнего хорунжего, все почти без исключения -- забыв о своих прямых обязанностях, все определеннее отдались политиканству. Приезжие и местные "непримиримые корниловцы" стали совсем открыто "работать" среди офицерства, сея смуту, разжигая ненависть к Вр. Правительству, требуя расправы со мной. Сам Краснов стал все решительнее сбрасывать маску своей "лояльности". Так, когда в ответ на протянутую (по моему обычаю здороваться со всеми одинаково) руку молоденький "ад'ютант", сопровождавший Савинкова, ответил мне, что не может здороваться с "предателем Корнилова", то ген. Краснов покрыл "геройский поступок" этого юнца, дав ему возможность немедленно скрыться из-под ареста. Одним словом, в атмосфере интриги ясно чувствовались признаки измены... Мое присутствие в отряде почиталось в Штабе вредным для "успеха боя" и т. д. Мешать успеху я отнюдь не желал; отказаться от борьбы с большевиками не мог, не имел права. Бездействовать в Гатчине тоже было не особенно привлекательно, а главное бесполезно. Так думал я, подводя итоги своего пребывания в Царском Селе в ночь на 30 октября, и решил: немедленно выехать навстречу приближавшимся эшелонам. Я надеялся личным присутствием также протолкнуть их к Царскому, как я протолкнул мимо Пскова казачий корпус, и доставить Краснову пехоту еще не слишком поздно. Насколько помню, рано утром 30-го октября я послал записку о своем от'езде в Царское ген. Краснову. Велико было мое удивление, когда немного погодя ко мне явилась делегация Совета казачьих войск, в том числе и г. Савинков. Явившиеся заявили мне от имени всего отряда, что мой от'езд крайне нежелателен, что он может плохо отозваться на психологии линейных казаков и следовательно отразиться на исходе боя; что, наконец, казаки пришли сюда со мной и судьба наша теперь должна быть одинаковой. В ответ я об'яснил г.г. делегатам цель моей поездки и особенно подчеркнул, что считал поездку возможной только потому, что вчерашнее поведение Краснова и его штаба создали во мне убеждение, что я здесь сейчас совершенно лишний. Если же это не так, заявил я, если мой от'езд может отозваться на успехе борьбы, то я, конечно, остаюсь, но зато надеюсь, что казаки со своей стороны до конца останутся вместе с Вр. Правительством. -- Свидание кончилось. Я остался в Гатчине, а вечером, как я уже писал, вернулся сюда весь отряд.

В самой Гатчине, еще задолго до появления казаков, сведения об "отступлении войск Керенского" распространились с быстротой молнии, вызвав панику у одних, удвоив энергию и дерзость у других. Вечером, перед возвращением Краснова, ко мне из СПб. явилась депутация от так наз. "Викжеля" (Всероссийский Исп. Комитет союза ж.-дор. служащих) с наглым ультиматумом: вступить с большевиками в мирные переговоры под угрозой ж.-дор. забастовки. Был поставлен срок для ответа в несколько часов, какой, точно не помню. Произошла бурная сцена. Особенно возмутительно было участие в этой компании умереннейшего и аккуратнейшего петербургского адвоката Виктора де-Плансона. Это предательство "Викжеля" делало наше положение прямо трагическим, ибо ж.-дор. забастовка, ничем не отражаясь на состоянии вооруженных сил большевиков (уже сосредоточившихся в СПб. с резервом на Балтику), отрезала бы нас от всех фронтов и от всех идущих подкреплений.

Как бы там не было, но времени больше терять было нельзя. Надо было спешно организовать охрану Гатчины на случай возможного теперь внезапного удара со стороны Красного Села и Ораниенбаума. Сделать это, однако, было почти невозможно, несмотря на сосредоточение в городе огромного количества офицеров: все они предпочитали проводить время во Дворце, в помещениях

Штаба, обсуждая положение, споря а главное все и всех критикуя. Местный комендант совсем растерялся и каждый кругом делал что и как хотел. Когда ген. Краснов пришел ко мне, я в разговоре сообщил ему об ультиматуме "Викжеля"; предупредил, что эта история еще будет иметь продолжение и спросил его мнение. По словам генерала выходило, что при настоящих условиях для выигрыша времени лучше, пожалуй, начать переговоры о перемирии; это несколько успокоит казаков, все с большей настороженностью поглядывающих на свое начальство и даст возможность дожидаться подкреплений.

Эти подкрепления, эта пехота сделались для казаков просто какой-то "притчей во языцех". Напрасно им показывали груды телеграмм о продвижении эшелонов, напрасно доказывали, что это продвижение действительно происходит и что ждать остается уже недолго. Напрасно. Казаки все внимательнее прислушивались к речам агитаторов, все меньше доверяли нашим словам и бумагам, все более и более проявляли ожесточения и недоверия к офицерству.

В этот же вечер 30-го октября, воспользовавшись новым приездом ко мне моих друзей из СПб., я, на "всякий случай" передал им письмо на имя Авксентьева, которым я вручал Председателю Совета Республики права и обязанности Министра-Председателя и предлагал немедленно пополнить состав Вр. Правительства.

Я считал необходимым написать это письмо, чтобы сохранить формально бесспорной преемственность Верховной Власти, полученной Вр. Правительством из рук последнего законного представителя павшей династии. Не успел я покончить с этим делом, как пришли сообщить, что собрание офицеров, находящихся в Гатчине, желает настоятельно, чтобы бывший управляющий военным министерством Савинков был назначен начальником обороны города; что они ему доверяют и сейчас же приступят к организации защиты. Савинков был мной назначен, что вызвало, конечно, "взрыв негодования" против меня слева и было в эту же ночь использовано большевиками, как новое доказательство моей "контрреволюционности".

Только поздней ночью я, наконец, остался один в компании с моими двумя юными ад'ютантами, верными мне до конца. Теперь можно было подумать о своей собственной судьбе, которая не представлялась нам особенно загадочной. Один из моих ад'ютантов недавно стал отцом семейства. После больших трудов, мне удалось убедить его покинуть меня при первом удобном случае, который скоро и представился. Зато другой -- девятнадцатилетний юнец, не расстававшийся со мной с первого дня Революции, не поддавался никаким увещаниям; с ним мы заключили братский союз идти вместе навстречу всем случайностям. В это время мы уже чувствовали, что идем быстро к неизбежному...

Утром, 31-го октября я созвал военный совет. Присутствовали: ген. Краснов, его нач. Штаба полк. Попов, Помощник командующего войсками СПб. Воен. Округа кап. Кузьмин, Начальник обороны Гатчины Савинков, Комиссар Северного фронта Станкевич и кто-то еще из Корпусного Штаба. Открыв заседание, я дал краткий политический обзор событий, насколько, конечно, они были мне известны; затем предложил Начальнику Штаба осветить военное положение и сообщить о передвижениях войск. После этого я поставил Совету вопрос, следует ли принять предложение о переговорах о перемирии или категорически отвергнуть и продолжать борьбу. Мнения были поданы по старшинству, начиная с младшего. Только два мнения -- Савинкова и мое -- были поданы за безусловный отказ от переговоров. Все военные без исключения были единодушны: для выигрыша времени нужно сейчас же начать переговоры; иначе нельзя ручаться за спокойствие казаков. Итак мнение большинства -- ясно и очевидно. Как ни было мне это отвратительно и трудно -- другого выхода не было -- нужно было выиграть время переговорами.

Кроме того невозможно было допустить, чтобы Краснов и его Штаб могли сказать казакам: мы были за мир, но Керенский приказал драться. Я утвердил мнение большинства, и Военный Совет приступил к обсуждению самой техники переговоров. Было решено, что Станкевич об'ездом поедет в СПб., чтобы там передать "Комитету Спасения Родины и Революции" мои условия перемирия. К сожалению я не могу вспомнить текст этого документа, копии которого у меня не могло сохраниться; во всяком случае эти условия не были приемлемы для большевиков, которые после нашего отхода из Царского Села, вероятно, мало сомневались в своей победе... Два из моих условий я не забыл: во первых большевики должны были немедленно сложить оружие и подчиниться обновленному Всенародному Вр. Правительству; во вторых состав и программа этого

правительства должны были быть установлены по соглашению существующего Временного Правительства с представителями всех политических партий и "Комитетом Спасения Родины и Революции".

Около четырех часов дня комиссар Станкевич выехал в СПб, а ген. Краснов к этому же времени соорганизовал делегацию для командирования ее в Красное Село с целью заключения немедленного перемирия на фронте впредь до выяснения результатов поручения Станкевича. Парламентеры уезжали в Штаб-квартиру большевистских войск лишь вечером; это были исключительно казаки, так как помощник командующего войсками СПб. военного округа кап. Кузьмин, несмотря на настояние ген. Краснова, категорически отказался войти в состав мирной делегации.

Еще раньше, в середине дня, вскоре после окончания военного совета, ко мне явился Савинков с бумагой в руках. Я думал, его приход связан с каким нибудь срочным вопросом по обороне Гатчины. Я ошибся. В бумаге значилось, что пред'явитель сего Борис Савинков командирован Министром-Председателем и Верховным Главнокомандующим Керенским в его Ставку для ускорения высылки подкреплений к Гатчине. -- Подпишите эту бумагу, Александр Федорович, я хочу ехать. -- Хотите ехать? Поезжайте, -- ответил я, отдавая подписанную мной бумагу, хотя поездка его в Ставку была совершенно бессмысленна, хотя здесь он бросал огромной ответственности поручение, которое только что принял и ничего еще не сделал. Смысл его от'езда был ясен нам обоим и какие либо об'яснения по этому поводу излишни. Мудрая предусмотрительность Савинкова лишь подчеркивала атмосферу, которой я был окружен. Только чудо могло спасти положение. Но даже неминуемая грозная опасность не об'единяла, не возбуждала энергии и инициативы; напротив, она как-то окончательно разлагала, отравляла все кругом. На первый план в сознании огромного большинства выступал вопрос о личном самосохранении. Казаки все с большим ожесточением посматривали на своих начальников, видя в них виновников своей гибели; офицеры, чувствуя себя все более неудобно под враждебными взглядами большевистской солдатни и своих собственных станичников -- офицеры все чаще задумывались над вопросом, какой ценой, они, в случае падения Гатчины, могли бы купить у большевиков жизнь. Казаки, так и не видя обещанной пехоты с фронта, искренно считали себя обманутыми. Офицеры не считали более нужным скрывать свою ненависть ко мне, чувствуя, что я уже не смогу защитить их от ярости толпы.

Так началась ночь на первое ноября. Никаких сведений от парламентаров "с фронта". Никаких известий из СПб. В полутемных и мрачных безконечных коридорах старого Павловского Дворца толпятся настороженные, обозленные люди. В отравленном страхе воздухе носятся самые невероятные чудовищные слухи. Начинается повсюду шопот: если казаки выдадут добровольно Керенского, они свободно вернутся к себе домой, на тихий Дон... Соблазн слишком велик. Мысль о предательстве овладевает умами и незаметно превращается в действительность. Долгая осенняя ночь никогда не кончится. Минуты кажутся часами. А крысы бегут с тонущего корабля. В моих комнатах, вчера еще переполненных, ни души. Тишина и покой смерти царствует вокруг. Мы одни. Нас очень немного, неразлучных эти месяцы, связанных общим жребием. Ничто не мешает нам теперь в тишине и покое подумать о грядущем... Уже было светло, когда, уничтожив все бумаги и письма, которые нельзя было оставить в "чужих руках", я прилег на постель и задремал с единственной мыслью -- придут ли утром эшелоны?

Около 10-ти часов утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентеры вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко. Основное условие матросов -- безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. -- Казаки готовы принять это условие.

Сообщение было достаточно неожиданное. До последней минуты, несмотря на все подозрительные симптомы и мрачные предчувствия, мы не допускали такой низоности. Но факт был на лицо.

Оставалось одно -- вывести на свежую воду самого Краснова и его штаб. Оставалось выяснить: замешаны ли они сами в предательстве. Посылаю тотчас же за генералом. Приходит -- корректный, слишком спокойный. Я спрашиваю--известно ли ему, что происходит сейчас внизу? Прошу об'яснить, как он мог допустить присутствие матросов в самом дворце? Как он мог даже не предупредить, не осведомить меня об этом? Краснов с чрезвычайной длительностью стал раз'яснять, что это совещание с матросами никакой особой важности не имеет; что он пристально следит через верных людей за всем там

происходящим; что он считает даже эти переговоры событием чрезвычайно для нас благоприятным. -- Пусть их там говорят, рассуждал он, день пройдет в разговорах, спросах, а к вечеру положение раз'яснится; придет пехота и мы переменим тон. А что касается моей выдачи, то ничего подобного он никогда не примет. Я могу быть совершенно спокойным. Но ему кажется, что может быть полезно, если бы я сам лично, конечно, с хорошим эскортом -- он его даст -- поехал в Петроград непосредственно договориться с партиями и даже со Смольным. Да, это предприятие очень рискованное, но не следует ли на него решиться во имя спасения государства... Так рассуждал в моем присутствии ген. Краснов. Это было мое последнее свидание с генералом. Нервность, сменившая наружное спокойствие первых минут, бегающие глаза, странная улыбка -- все это не оставляло никаких сомнений. Торг о цене моей головы, происходящий внизу, не был вовсе так безобиден, как мне только что старались его изобразить.

Генерал ушел. Я рассказал всю правду тем, кто еще оставался со мной. Как быть? Все мои отношения с 3-м конным корпусом порваны самими казаками. Было бы просто безрассудным считать себя связанным с теми, кто уже изменил. Но выхода не было. Никаких мер личной охраны я не принимал. Никаких подготовительных действий на случай выезда из Гатчины не делал. Для вооруженной борьбы нас было слишком мало -- меньше десятка. Уйти из дворца невозможно -- построенное Павлом I в виде замкнутого прямоугольника, здание имело только один выход, уже занятый смешанным караулом из казаков и матросов. Пока мы рассуждали, как выйти из этого тупика, как выскочить из этой ловушки, явился один из высших служащих Дворца с предложением помощи. По своим служебным обязанностям он знает тайный никому неизвестный подземный ход, который выходит в парк за стенами этого Дворца-крепости, но чтобы пройти к этому тайнику нужно ждать сумерек. Что же? Если до того времени ничего не случится, мы уйдем из западни этим таинственным путем. Ну, а если... Я прошу моих спутников не терять времени и спастись по одиночке сейчас же, кто как может.

Что же касается меня лично и моего юного ад'ютанта, который и в этот час решительно отказался покинуть меня, то свою судьбу мы разрешили очень просто. Мы остаемся здесь в этих комнатах но живыми предателям не сдадимся.

Вот и все. Пока ворвавшаяся банда матросов с казаками будет искать нас в первых комнатах, мы успеем покончить свои расчеты с жизнью, запершись в самой дальней. Тогда, утром 1-го ноября 1917 г. это решение казалось таким простым, логичным и неизбежным... Время шло. Мы ждали. Внизу торговались. Вдруг, в третьем часу дня, вбегают тот самый солдат, который утром принес нам весть о Дыбенко. На нем лица не было. Торг состоялся, -- об'явил он. Казаки купили свою свободу и право с оружием в руках вернуться домой всего только за одну человеческую голову. Для исполнения принятого решения, т.-е. для моего ареста и выдачи большевикам, вчерашние враги по дружески выбрали смешанную комиссию. Каждую минуту матросы и казаки могли ворваться....

Какова была роль в этом деле самого Краснова?

В архиве ставки верховного главнокомандующего должен храниться краткий и красноречивый ответ на этот вопрос. 1-го ноября ген. Духонин получил от Краснова телеграмму: "Приказал арестовать главноверха; он успел скрыться" *. Те, кто видели тогда ген. Духонина, рассказывают, -- что он, получив эту телеграмму, был уверен в том, что приказ об аресте был вызван моим намерением сговориться с большевиками...

Соглашение казаков с матросами, казалось, решало вопрос окончательно и делало мое положение безвыходным. Но... случилось поистине чудо.

Я не считаю еще себя вправе подробно рассказать мой уход из Гатчинского Дворца. Большевики еще у власти -- люди еще живы...

Я ушел из Дворца за 10 минут до того, как предатели ворвались в мои комнаты. Я ушел, не зная еще за минуту, что пойду. Пошел нелепо переодетый под носом у врагов и предателей. Я еще шел по улицам Гатчины, когда началось преследование. Шел вместе с теми, кто меня спас, но кого я никогда раньше не знал и видел в первый раз в жизни. В эти минуты они проявили выдержку, смелость и самоотвержение незабываемые.

Мои спутники, оставшиеся во Дворце, все спаслись. Одни просто в суматохе, другие вечером потайным ходом -- все ушли благополучно из слишком гостеприимного дворца...

Когда на автомобиле я мчался по шоссе к Луге, оттуда к Гатчине

подходили поезда с долгожданной нами пехотой... судьба умеет иногда хорошо шутить.

Так блестяще была выполнена первая часть хитро-задуманного стратегического плана "патриотической" реакции. Руками большевиков Временное Правительство свергнуто и ненавистный человек больше не у власти. Оставалось осуществить вторую, главную часть -- в три недели справиться с большевиками и установить в России здоровую, национальную, а главное, сильную власть...

Эти три недели тянутся слишком долго.

А. Керенский.

* Не могу не привести здесь небольшой выдержки из воспоминаний ген. Краснова в 1 т. Арх. Русской Революции (стр. 173--174):

"Я пошел к Керенскому. Я застал его смертельно бледным в дальней комнате его квартиры. Я рассказал ему, что настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками, но дворец имел и другие? (А. К.) выходы. Я указал на то, что часовые стоят только у парадного хода. -- Как не велика вина Ваша перед Россией, -- сказал я, но я не считаю себя в праве судить Вас. За полчаса времени я Вам ручаюсь. Выйдя от К. я, через надежных казаков, устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, К-го не было Он бежал. Казаки кинулись ко мне" и т. д.

Все это был сплошной вздор и вымысел.

Не говоря уже о телеграмме в ставку, автора этой легенды головой выдают "другие выходы", которых в действительности не было, за исключением тайника, о котором никто не знал и которым днем воспользоваться было невозможно.

Отсканированный источник:

ББК 63.3(2)52

Керенский Александр Федорович

К 36 Гатчина. Печатается с издания А. Ф. Керенский "Гатчина" (из воспоминаний). Москва, 1922, издательство "Книгопечатник". 5106000000-161

К

088(02)-90 Издательство "Панорама". Москва, 1990 г.

[Сканировал Вадим Серов, serovad@narod.ru](mailto:serovad@narod.ru)